

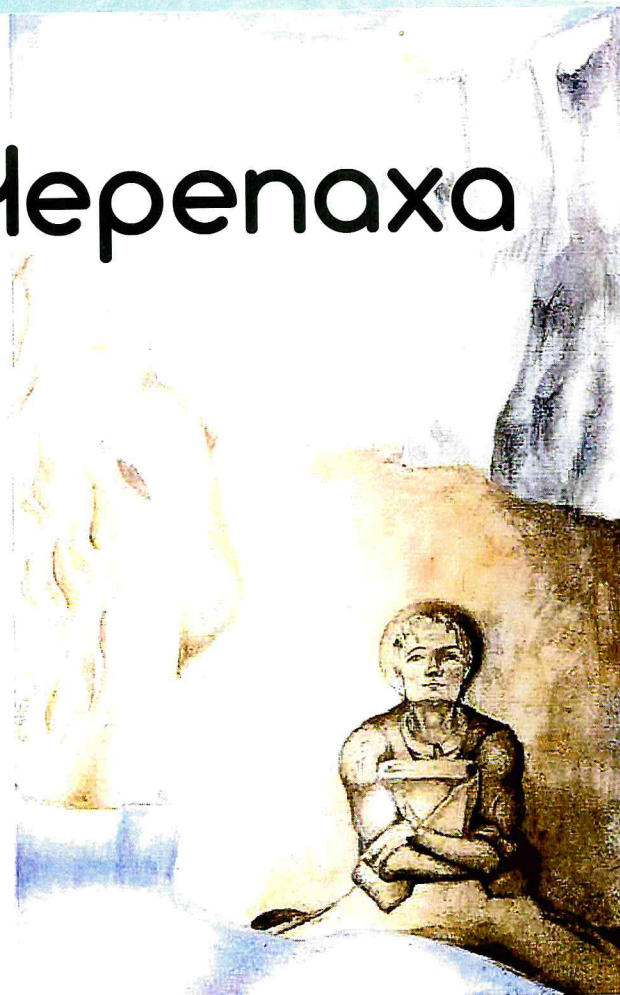
Господин Черепаха

Кто мой попутчик? Шпион ли, засланный ко мне, чтобы немедленно докладывать всё неугомонным властителям? Убийца ли, помешанный на своих лживых идеалах насилия и запретности светлого ума? Философ ли, алчущий, – *он вычеркнул это слово*, – стремящийся найти равного, – *это слово он тоже вычеркнул*, – учителя? Посланник ли судьбы, в чей перст я не верю? Или же просто вор, воров тоже немало. Я иду, – *это слово тоже ему не понравилось*, – странствую с ним уже третий день. Пока он меня не убил и ничего у меня не украл (я проверял несколько раз), остаётся предполагать, что, скорее всего, он философ, или, что более вероятно, шпион, – *поставив жирную точку, он продолжал с красной строки*.

В последнее время ум мой занимают размышления о нашем Творце. Как верно следовать Его воле? Ибо каждый наш поворот изменяет Его творение. Но, если поворот неверен, то и творение Его исказится, а значит, у Тёмного будет больше возможностей его уничтожить, – *он поёжился и продолжал*, – Так как различить, истинный поворот, или ложной? – *вновь он поставил жирный знак вопроса и подписал внизу* – 21.04.3021

Теотар Черепаха громко захлопнул путевой дневник и убрал его в дорожную сумку, плотно завинтил чернильницу, вытер перо о лоскут ткани, который носил с собой для этой цели, и убрал их туда же. Взглянув на небо, он увидел, что солнце ещё не проходило свой зенит. Он зевнул, делая вид, что отдыхает, а сам мельком поглядывал на своего попутчика, тот заметил и радостно ему улыбнулся:

– Мы можем продолжать путь, господин Черепаха? – безукоризненно чисто и наивно сказал он, в голосе не было никакой фальши, так что попутчика было не в чем упрекнуть. Теотар Черепаха медленно и угрюмо встал, надел свою широкополую шляпу, бросил ещё один недоверчивый взгляд на своего попутчика, кивнул и сказал:

– Да, солнце ещё не в зените. Мы можем успеть пройти немного до жары. Жара вредна для разума.

– До пика Эриан–гаран–ту осталась не так много. Дойдём за пару дней, – философ кивнул, и оба они пошли сквозь заросли букового леса к песчаной пыльной дороге. Солнце было ещё не настолько высоко, чтобы обжигать, обувь намокла из-за росы. Философ хмурился, он всегда размышлял, когда шёл, и сегодня мысли заставляли его хмуриться. Попутчик, по крайней мере, так он ему представился, радостно и абсолютно искренне улыбался.

Они вышли на дорогу, солнце поднялось ещё чуть выше. Пик Эриан–гаран–ту был уже виден. Вокруг просыпалась жизнь, а два путника шли к огромной каменной глыбе, неживой, как им казалось. Лес в скором времени перешёл в местность пустынную, или, вернее сказать, равнинную, сильно покрытую пылью и камнями.

– О чём Вы размышляете, господин Черепаха? – спросил попутчик.